

Пожалуй, кроме этого собачьего типа, никто бы не осмелился и не стал бы обращаться с ним подобным образом.

С близкого расстояния аромат Хэ Чжу нахлынул со всех сторон, подобно прохладному, свежему благоуханию, поднимающемуся из глубин безбрежного океана, полностью захватив пространство вокруг него, не оставляя ни единой щели.

Что-то знакомое.

— Господин Янь, — магнетический, подобный горячему источнику голос Хэ Чжу прозвучал над головой Янь Жунцю, — у вас все еще болит желудок, верно?

Янь Жунцю на мгновение замер, молча убрав руку с живота.

— Уже прошло.

— Вы лжете, — бесстрастно возразил Хэ Чжу, слегка, почти незаметно усилив объятие, но оставаясь в целом джентельменской позе, словно они с начальником вместе присутствуют на каком-то торжественном и пышном приеме.

Янь Жунцю онемел от возмущения. Хэ Чжу видел его насквозь. Хотя сейчас было немного лучше, в желудке по-прежнему перекачивалась кислая, ноющая боль, но он привык терпеть до следующего дня — тогда она стихала.

— Я провожу вас в постель, — невозмутимо прозвучали слова Хэ Чжу, вызвав в ушах Янь Жунцю небольшой взрыв.

Кончики ушей, только что вернувшиеся к нормальному цвету, снова запылали.

Слишком странно. Действительно очень странно.

Хэ Чжу был надежным, основательным, порядочным человеком, к тому же стопроцентным Бетой. В его словах не было ничего предосудительного, так почему же ему самому стало неловко?

Янь Жунцю был озадачен.

Неужели из-за недавней загруженности, стоило лишь немного расслабиться здесь, в Сихэнчжоу, как напряженные нервы внезапно сдали?

Взглянув еще раз на Хэ Чжу — прямая осанка, серьезное выражение лица, явно рабочий настрой. Эх, как же он старается произвести хорошее впечатление на начальника: и воду подал, и лекарство, и полотенце, даже карамельку не забыл.

Даже если он сам не хотел бы такого обращения, но такой энтузиазм и рвение в стремлении к повышению и прибавке к зарплате все же заслуживают признания.

Солдат, не мечтающий стать генералом, — плохой солдат. Янь Жунцю всегда активно поддерживал амбиции и стремления сотрудников, считая, что только так они могут проявить себя еще лучше.

Уяснив это, Янь Жунцю снова обрел спокойствие и позволил Хэ Чжу проводить себя в спальню.

Устроившись в постели, Янь Жунцю натянул тонкое одеяло до подбородка и уже собирался

закрывать глаза, как вдруг с ужасом осознал нечто неладное —

Почему Хэ Чжу все еще стоит у кровати, не выказывая ни малейшего намерения уйти?

— Господин Янь, — Хэ Чжу поправил очки, за толстыми стеклами на мгновение мелькнул глубокий свет. Он медленно наклонился к Янь Жунцю и сказал низким голосом:

— Откройте одеяло, иначе мне будет неудобно действовать.

Что действовать???

Под воздействием шока платы в мозгу Янь Жунцю затрещали, сыпля искрами, а затем полностью отключились.

Видя его ошеломленное выражение, Хэ Чжу слегка раздраженно пояснил:

— Раз у вас болит желудок, я хотел помассировать акупунктурные точки, эффект облегчения очень хороший.

— Правда не нужно, мне уже почти лучше, — безжизненно произнес Янь Жунцю. По правде говоря, в животе у него по-прежнему скручивало спазмами. Большой желудок — болезнь непредсказуемая, причиняемые ею мучения затяжные и изнурительные, и никогда не бывает так, что принял лекарство — и сразу помогло.

— Господин Янь, если боль не уйдет, вы не сможете нормально отдохнуть, что повлияет на дальнейший рабочий прогресс, — Хэ Чжу сделал паузу, затем серьезно добавил:

— Я быстро, десять минут.

Когда дело касалось работы, Янь Жунцю всегда подходил к вопросу серьезно. Хэ Чжу был прав, он действительно мог нарушить весь съемочный график программы.

К тому же, характер Хэ Чжу он уже, кажется, уяснил. Этот человек говорил мало, но был невероятно упрямым и своенравным — если он решил что-то сделать, то ни за что не отступится.

Янь Жунцю откинул одеяло.

— Тогда... буду обязан.

Хэ Чжу сел на край кровати, его теплая большая ладонь легла на живот.

Горячее тепло ладони через ткань и тонкую кожу передавалось при мягком массаже по часовой стрелке, и вскоре Янь Жунцю явно почувствовал, что боль ослабла, будто скрученные внутренности наконец встали на свои места, и все тело расслабилось и успокоилось. Раньше ему пришлось бы мучиться целую ночь.

— Спасибо, — Янь Жунцю шмыгнул носом, думая, что ему действительно повезло найти такого помощника, который умел всё.

— Это моя обязанность. В контракте также указано, что во время командировок помощник должен проявлять определенную заботу о здоровье начальника, — голос Хэ Чжу был ровным.

Янь Жунцю кивнул.

В комнате снова воцарилась тишина, слышалось лишь шуршание ткани о кожу.

Сонливость постепенно накатывала, Янь Жунцю невольно слегка зевнул, веки становились все тяжелее, ясные черно-белые глаза скрылись за густыми длинными ресницами, смягчая ощущение отстраненности, присущее ему в состоянии бодрствования.

Хэ Чжу молча наблюдал за ним. Уголки его губ были слегка опущены, волосы взъерошены, воротник помят — чем больше смотрел, тем больше он походил на заболевшего большого ребенка: слабого, жалкого и беспомощного.

— В детстве, каждое лето, я всегда передал холодного и портил желудок, и тогда моя мама массировала мне животик, и боль сразу проходила, — тихо заговорил Хэ Чжу. Он редко говорил так много, да еще на темы, не связанные с работой, что немного удивило Янь Жунцю.

Удивление сменилось легкой тоской в сердце Янь Жунцю, и он глухо произнес:

— Она, наверное, очень любила тебя.

Хэ Чжу кивнул, уголки его губ слегка приподнялись, и на лице редко мелькнула мягкая улыбка.

Хорошо. Янь Жунцю, которого все сильнее клонило в сон, смутно думал: мама Хэ Чжу — хорошая.

Вэнь Линсинь же лишь в публичных ситуациях, подобных светским приемам, давала ему формальные, скованные объятия для вида.

Но даже такие формальные объятия были одним из немногих драгоценных способов для Янь Жунцю почувствовать человеческое тепло.

В конце концов, наследнику семьи Янь нужны были лишь знания, способности и деловая хватка, все остальное было второстепенным.

Под натиском сильной сонливости Янь Жунцю медленно закрыл глаза.

В полудреме ему почудилось, будто его мягко окутал целый океан, аромат морского прибоя разливался вокруг, но при этом было тепло, как в горячем источнике.

Словно он упал в широкие, надежные объятия.

Хоть и всего на мгновение.

Съемки в последующие несколько дней прошли очень гладко. Цзян Юйнин, Ван Ляюань и Сюй Чэн были опытными ветеранами, и независимо от того, играли ли они по сценарию или импровизировали, получался неплохой развлекательный эффект. Однако больше всего съёмочную группу поразил Янь Жунцю.

Вероятно, осознав свой пассивный навык «стоит открыть рот — и все замирают», Янь Жунцю просто выучил все сценарии наизусть. Хотя он и не был силен в запоминании лиц, но всё, связанное с работой, запоминал с первого взгляда. Во время съемок он просто следовал тексту дословно. Хотя актерская игра оставляла желать лучшего, по крайней мере, он попадал во все нужные моменты по плану съёмочной группы, и материала для монтажа было достаточно.

Сотрудники программы «Дневные игры, ночные прогулки» работали со многими артистами,

среди которых хватало капризных и манерных неудачников. А Янь Жунцю, будучи золотым спонсором, мог бы просто время от времени появляться для галочки, но вместо этого проявлял такую добросовестность и усердие, что было действительно неожиданно.

Единственное, что немного беспокоило сотрудников, — это высокорослый помощник Янь Жунцю.

При отборе материала редактор заметил, что в кадре, где появлялся Янь Жунцю, всегда была едва уловимая темная тень. Некоторые пугливые сотрудники даже пугались, думая, что это какое-то паранормальное явление. При увеличении изображения узнали, что это Хэ Чжу.

Прямо как призрак, следующий по пятам.

Будьте добры, господин Янь — живой человек, а не золотой слиток, неужели боится, что его украдут?

Конечно, если отбросить такие несущественные мелочи, запись программы в целом шла очень гладко.

До шестого вечера.

Ночью бледная белая луна одиноко висела на небосводе, несколько редких лучей пробивались сквозь толстые облака, образуя тонкое сияние.

Съемки уже завершились, и когда участники готовились вернуться на виллу для отдыха, вдруг донесся странный звук.

Что такое? Неужели съемочная группа решила устроить жуткий розыгрыш?

Затем звук стал громче, четко долетая до ушей каждого.

Это была дрожащая, прерывистая одышка, смешанная со стоном боли, двусмысленно разливавшаяся в ночи, заставляющая краснеть и сердце биться чаще.

Вместе с ней доносился едва уловимый аромат.

Все были взрослыми людьми, и одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что происходит.

<http://bllate.org/book/15591/1389670>